

Алла Чернец

Гоадарай:

А приключения
Ангелмы

Роман «Гюадарай: приключения Ангелины» — это любовный квест, который увлекает читателя в мир интриг и неожиданных поворотов судьбы. Автор предлагает пройти вместе с героиней через лабиринт приключений, чтобы узнать настоящую цену верности и предательства.

Главная героиня книги Ангелина — молодая женщина, свято верящая в прагматичность современного мира, в котором свидания онлайн просты и удобны, а поводом для замужества может быть не только любовь. Но жизнь — череда случайностей. В ожидании рейса на Стамбул Ангелина сталкивается с Егором Руцким, некогда успешным и счастливым. Его удивительная история захватывает Ангелину, но самое интересное еще впереди.

Алла Чернец

Годарай: Приключения Ангелины

Он...

Как только он дождался снега за окнами своего дома, он тут же отправился на море. Нет ничего лучше, чем охотиться за солнцем. Он не знал, что не один такой. Усевшись в зале ожидания, он вертел в руках билет, как вдруг обратил внимание на молодую женщину, сидевшую рядом. Когда билет на секунду замер в его тонких руках, она бесцеремонно уставилась на буквы и цифры, пропечатанные черным...

Тем временем она...

Ангелина не поверила своим глазам, когда, скучая, бросила взгляд на билет, который держал в руках ее сосед, как и он, ожидавший объявления рейса на Стамбул. Это был тот самый мужчина, историю которого она узнала случайно и, который, она думала, умер в 34 года.

За год до описываемых событий

Брак трещал по швам. Плохо, что он был второй, и треск звучал особенно противно, — примешивался страх того, что неудача во второй раз — это уже результат какого-то вселенского заговора, и Ангелина бесконечно повторяла, — это просто черная полоса, — даже не черная, а серая, серенькая, — любовь подошла к концу, с кем не бывает. Если бы это был не официальный союз, то и вовсе можно было бы все свалить на пресловутое «любовь живет три года», — что возьмешь с романа? Брак — нет. Брак — тяжеловес... Боксер-тяжеловес, с горькой улыбкой подумала Ангелина. Она вспомнила, как плакала без остановки, когда осознала, что уже ничего не удастся сохранить, и слезы лились, словно это весенние ручьи, но вместо солнца силу потока контролирует боль. Сильный человек терпит боль мужественно, но Ангелина справедливо решила, что мужественно пусть будет для мужчин, их на то и сделал Создатель сильными, — она, будучи слабой и хрупкой, будет терпеть боль женственно. Как только она уехала, чтобы даже небо, всегда безоблачное, не напоминало ей о потерях, она огляделась вокруг, — реальность выглядела удручающе. Встреча с давней подругой подтвердила ее опасения.

— Ангелина, ангел мой, — со вздохом вымолвила Алиса, — после 35 лет очень сложно встретить того, кто тебя полюбит. Прости, что говорю такие банальности, но ничего другое на ум не приходит.

Чего не сказала Алиса, но о чем она, конечно же, знала, как догадывалась об этом и Ангелина, — это то, что встретить того, кого полюбишь ты, еще сложнее, потому что дороже всего обходится самообман, и как бы не уговаривала себя умница и красавица Ангелина, она точно знала, что двумя разводами в конце концов, наказана именно за скверную привычку выходить замуж за тех, от кого не летают в животе те самые неуловимые бабочки, которых не купишь ни за какие деньги, — вот или летают они, или не летают, хоть убей.

Ждать упрямых насекомых — для терпеливых и благоразумных, — Ангелина с сожалением вздохнула. Нет, к таковым она себя при всем желании не могла бы причислить. В тот же вечер она разместила в интернете фотографию со скупым описанием своих непревзойденных достоинств, для верности зарегистрировавшись сразу на нескольких сайтах знакомств. Поток хлынул письма — Ангелина удивлялась, сколь, оказывается, широка география одиночества. Греция, Германия, Америка, Канада, Испания, даже Мозамбик. Чтобы не пропустить своего счастья, Ангелина честно пыталась ответить всем, но к концу второго дня ее силы были на исходе. «Все, последнее письмо, и на этом закрою этот любовный шатер», — пообещала она себе. Кандидат, которому выпал жребий быть последним, разочаровал, — 54 года, американец из Техаса. С фотографии на нее смотрел мужчина, которому можно было бы дать даже больше заявленного возраста. Он стоял, как стоят футболисты в «стенке», но, к счастью, одет он был не в легкомысленные шорты и футболку, потому что были и те, кто смело выставлял свои фото в столь непрезентабельном виде, а черный костюм и черное строгое пальто. Руки у него были в черных перчатках. Прекрасная реклама для какого-нибудь «Бюро ритуальных услуг», — подумала Ангелина, но что-то все же привлекло ее в последнем кандидате на звание мужчины мечты. «Сытый, но пострадать любит», — внимательно присмотревшись к фото еще раз, неприязненно подумала она. «А вообще, американец — это хорошо», — подвела она итог своим недолгим размышлениям. Тренированные вездесущей машиной американского правосудия, они даже на сайте знакомств давали свои настоящие имя и фамилию, так что уже через полчаса Ангелина знала о Карле все, что могли без заминки сообщить всевозможные социальные сети. Социально-сетевой эксгибиционизм, — так она назовет книгу, если выйдет замуж за Карла. Фантазия тут же

безудержно погнала ее еще дальше: Карл, конечно, окажется невыносимо скучным и невообразимо богатым, и Ангелине придется или завести любовника, или вообразить себя интеллектуалкой и написать какой-нибудь фундаментальный труд, или и то и другое.

Между тем, Карл, очевидно, поднаторевший в переписке с незнакомками, был бесстыдно сентиментален: он писал, что не любит Америку, что всегда восхищался русской литературой, и именно с ее традициями связывает рождение особой породы женщин, наделенных той самой загадочной славянской душой, которая служит для него, Карла из Техаса, идеалом и предметом поиска. Он честно написал также, что искал много и долго (без сомнения, получая от процесса огромное удовольствие, — цинично добавила про себя Ангелина). Итак, чтобы попасть в эпистолярное яблочко, всего-то и надо было, — сказать, что психологическая глубина страданий в стиле Толстоевского вовсе не чужда твоей душе, которую вовек не расшифровать представителям культурно желторотой Америки. Хотя и показалось ей на мгновение, что это излишне самонадеянный тон, однако сработало, и уже на следующий день Карл звонил, чтобы услышать протяжное Ангелинино «альо». Вконец очарованный, Карл сказал, что готов приехать, даже не спросив куда, и тут вдруг Ангелина услышала в трубку звук такого заунывного ветра, что заподозрила худшее, — Карл не из Техаса, а из Аляски. Однако он быстро развеял ее сомнения, когда она, спросив его напрямую, откуда такие климатические ужасы в трубке, сказал, что звонит... из Сибири.

— Откуда? — не без изумления спросила Ангелина, чувствуя, что у этого романа появляются шансы на продолжение, ведь мужчина, способный изумлять, — это большая редкость в наши дни.

— Из Сибири, — терпеливо повторил Карл. — Я приглашенный консультант. Работаю в нефтяной компании.

— И что там у нас, то есть у вас, в Сибири? Лето же еще не закончилось, — что, уже так холодно?

— О, не то слово, мы тут готовы к снегу в любую минуту.

— Мерзнешь, наверное, — глупо заметила Ангелина, однако невольно выказанная забота нашла в американской душе быстрый отклик.

Карл засмеялся.

— Только вы, русские, умеете согреть вопросом.

Ангелина молчала.

— У тебя такое красивое имя. Я очарован. И твоим голосом, и твоим акцентом. И нашим будущим, — добавил Карл после паузы.

— Где? В Сибири? — ехидно процедила Ангелина.

Почему ей не нравился Карл, который давал правильные ответы на все вопросы, она бы и сама не смогла объяснить.

— Нет, я приеду через месяц, как только закончится мой контракт, куда ты скажешь. Более того, если мы понравимся друг другу, я готов жить в любом уголке планеты, который ты выберешь. Кроме Техаса. Я не хочу селиться в Америке. Я говорил тебе, что я патриот, но люблю свою страну только на расстоянии.

— То есть как это — в любом уголке планеты? В любом-любом? — по-купчески строго спросила Ангелина.

— Я могу себе это позволить, — ответил Карл без запинки, и разговор прервался.

«Не иначе, миллионы закончились», — не меняя цинизм на милость, подумала Ангелина.

Спустя некоторое время она получила сообщение, в котором Карл просил ее выйти с ним на связь через Скайп, чтобы иметь удовольствие лицезреть друг друга. Ангелина была не против.

«Как все-таки изменился мир, — свидание теперь не требует ни усилий, ни волнений. Один щелчок «принять вызов», и твоя судьба, возможно, изменится в одно мгновение. Легко впустить человека в свою жизнь и так же легко избавиться от него, всего лишь подтвердив «удаление контакта», — такие философские размышления вихрем пронесли в голове Ангелины, когда она заметила на экране телефона настойчиво подсказывающую зеленую трубку, оповещающую, что через секунду она увидит Карла почти вживую. С дисплея на нее смотрел изрядно потрепанный жизнью мужчина со включенными волосами и лицом, прорезанным глубокими морщинами. «Это влияние Сибири», — лихорадочно простучало в висках у Ангелины. «Нет, это влияние пятидесяти четырех лет, прожитых бурно и без остатка», — сурово вымолвил внутренний голос. Преодолев желание тут же прервать знакомство, Ангелина кисло произнесла положенные приветствия. Карл, напротив, сильно оживился при виде светлоголовой Ангелины, которая отвечала всем стандартам славянской миловидности.

— О, как замечательно!

— Что замечательно?

— То, что фотография и реальность совпадают. Не хочу никого обижать, но довольно часто женщины выставляют свое фото, сделанное лет пятнадцать назад, а потом удивляются тому, что мужчина не выказывает энтузиазма.

— То есть для мужчины главнее картинка ничего нет?

Ангелина обрадовалась, что у нее появился повод выплеснуть раздражение.

— О, нет, нет, — тут же пошел на попятную Карл, — речь не о внешности, речь, скорее, о доверии. Ведь это обман. Ну, как бы это получше объяснить... Ведь вы не простите мужчине, если он напишет, что живет в собственном доме на берегу океана и ездит по побережью не иначе как на «Бугатти», а окажется, что у него жалкая лачуга в каком-то захолустье, и водит он колыхагу, которой сто лет в обед.

Ангелина рассмеялась.

— Нельзя сравнивать невинное желание женщины выглядеть в глазах мужчины привлекательной и сознательный обман, на который идет мужчина, выдавая себя за состоявшегося и успешного.

— В чем же разница, ангел мой?

— В том, что женщина может искренне заблуждаться относительно того, как нещадно обошлось с ней время, — мужчина же, который стыдится своего статуса, признает себя неудачником, да еще и прибавляет к этому обман.

— Ага, значит, когда мужчины хотят понравиться женщине любой ценой, это расценивается как уловка неудачника?

— Ты знаешь, я не готова к долгим философским спорам, Карл. Мне нет дела до мужчин, которые хотят понравиться любой ценой, а женщин я защищала из элементарной женской солидарности.

— Но, Ангелина, для меня это очень важно, ты даже не представляешь, насколько.

— Что именно?

— Насколько ты снисходительно относишься к мужским слабостям.

— Я легко прощаю слабости, — легкомысленно заявила Ангелина, но тут же поспешно добавила, — но не далеко не все.

Карл улыбнулся.

— Очаровательный ответ. Типично женский. Можно я еще кое-что спрошу?

— Мне кажется, на сегодня вопросов было более чем достаточно, — Ангелина изящно ушла от опасности откровенного разговора, к которому она вовсе не была пока готова.

— Хорошо, — согласился Карл. — Тогда ты задай мне какой-нибудь вопрос, который бы привел меня в восторг.

О, значит, даже пропитавшись нефтяными долларами, человек все равно по-детски ждет чудес, любви и новых впечатлений...

Заметив, как глаза Ангелины заблестели, Карл с неподдельным интересом ждал продолжения.

— Мы поступим лучше, дорогой Карл. Я буду говорить, а ты подтверждать мои догадки простыми «да» и «нет». Как только я ошибусь, наш разговор закончится.

Лицо Карла расплылось в улыбке, так что его и без того невыразительные глаза превратились в щелки, окруженные бороздками морщин.

— Ангелина, я приеду раньше, чем планировал. Ты настоящая находка.

Не обращая внимания на его восторг, Ангелина произнесла первую догадку:

— У тебя больше, чем один ребенок.

— Да. Сын и дочь. Взрослые.

— Жена тебя бросила.

— Да, хотя я бы предпочел, чтобы ты сформулировала это помягче.

Игнорируя его жалобный тон, она сказала:

— Дети остались с тобой после развода.

— Да.

— Ты свято веришь в то, что воспитал их, хотя большую часть времени с ними сидела няня, иначе не было бы никакой карьеры.

— Да, с ними была няня, но я воспитал их, — неожиданно горячо воскликнул Карл.

— Ты много путешествовал.

— Да, я объездил почти все страны, кроме Южной Африки.

Ангелина вдруг четко услышала, какой вопрос должен быть следующий: «В России ты встретил настоящую любовь?», однако она бы и сама не сумела объяснить, почему не произнесла его. Закрыв на секунду глаза, она увидела разбитое сердце, старательно нарисованное, словно для комикса — а с такими сердцами всегда незадача, потому что нет никакой возможности узнать, мужское оно или женское.

Прогнав наваждение, она скороговоркой вымолвила:

— Ты сказал, что женщина, которую ты выберешь, назовет страну для проживания, и ты без споров согласишься.

— Ты сказала женщина, которую я выберу, а не полюблю. Почему, Ангелина? Почему ты не сказала «полюблю»? Ведь эти слова из совершенно разных историй. И мне неинтересно выбирать. Я прошел через такие испытания, что меня может прельстить только влюбленность, только любовь.

Игнорируя его высокопарные слова, Ангелина подумала, что в первый раз Карл потерял равновесие, когда дело коснулось вопроса о детях, а во второй раз — о любви. Неутешительно...

Она задумчиво кивнула и мечтательно произнесла:

— Красота слов иногда так завораживает... Влюбленность — замок на воротах в страну любви. Есть ли у тебя ключ?

— Мне нет нужды доказывать свои достоинства, — запальчиво ответил Карл. — Они очевидны, моя прекрасная Ангелина.

Ангелина без церемоний пропустила его вспышку мимо ушей.

— Ну что же, я узнала почти все, что хотела. Я выбираю страну, в которой всегда солнце. Пока.

— Нет, не бросай меня, я хочу поговорить еще.

— Я спешу.

Ангелина была под сильным впечатлением от того, что впервые в жизни столкнулась с проявлением собственной интуиции, и хотя это и не коснулось ее напрямую, она почему-то чувствовала, что вопрос, который так явственно услышала и мультяшное сердце, разбитое по замыслу художника, имели огромное значение.

Алиса

Когда Ангелина сообщила Алисе, что, возможно, уже в скором времени уедет, та замахала руками:

— Ну как можно быть такой опрометчивой? Ты же не любишь своего этого Карла ни капельки?

— Ну и что? Зато с ним я смогу уехать куда глаза глядят, и мне нипочем будет ни назойливая память, ни плохая погода.

— О, Ангелина, подожди хотя бы, пока вы поцелуетесь.

У Алисы была идея фикс насчет поцелуев. Она безоговорочно верила в то, что плохо целующийся мужчина будет отвратительным любовником.

— Алисочка, дорогая, как бы он ни целовался, я хочу быть с ним, потому что он не обременен маленькими детьми, бывшими женами, родителями, которые бы отнеслись к нему, как к неразумному техасскому чаду. В конце концов, он оказался не хуже, чем я ожидала.

Карл, действительно, примчался уже вскоре после знакомства, чтобы поскорее «засвидетельствовать свою серьезность», как старомодно выразился он, и это, как ни странно, тронуло цинично настроенную Ангелину. Заручившись ее согласием подождать месяц, он тут же уехал, так как был связан драконовскими условиями контракта.

Алиса, которая познакомилась с Карлом перед его отъездом, кисло улыбнулась.

— Ангелина, вы смотрелись, как отец и дочь.

— Ну что ты говоришь? У нас всего семнадцать лет разницы.

Алиса застонала.

— Семнадцать! Ты родилась, когда он заканчивал школу, курил небось по подворотням прятаясь от учителей.

— Ха-ха! — Ангелина представила себе Карла, зажавшим в руках сигарету, однако молодым его лицо так и не увидела.

— Это не имеет никакого значения. Самое главное, что я...

— Ну что, что? Неужели жизнь тебя ничему не учит? Самое главное, что?

Ангелина вдруг поняла, что не знает ответа на этот вопрос. Она так торопилась впустить в свою жизнь нового мужчину, что даже не хотела остановиться, чтобы спросить себя вслед за красавицей-Алисой: «А самое главное что?»

— Прошу тебя, Алисочка. Не отговаривай меня. Это просто не самый плохой шанс снова отправиться в далекие края, попробовать начать все заново и забыть прошлое. В одиночку мне с этим будет справиться сложнее. Карл, если и не любит меня, то сильно увлечен.

— Но ты-то даже не увлечена? А ведь он предлагает тебе ни много ни мало — брак!

Ангелина отмахнулась.

— Я знаю, что прошло слишком мало времени. Но знаешь, как говорят. Ты принимаешь решение тогда, когда устаешь думать.

— Нет, это возмутительно. Ты шутишь с собственной жизнью снова и снова! Помни, что если сложная проблема имеет простое решение, то это, как правило, неправильное решение.

— То есть сложная проблема — сложное решение? Только так и никак иначе?

— Да!

— Алиса, если я не выйду замуж сейчас, я привыкну к одиночеству.

— Это называется не сейчас, а скоропалительно. И поводом для выхода замуж может быть только

любовь.

— Я могу назвать тебе еще тысячу поводов для выхода замуж.

— В основе всех этих тысяч лежит расчет. Когда ты согласишься на жизнь с человеком, которого не любишь, тебе придется все время держать в руках калькулятор. Куда бы вы ни направлялись, — в кино, ресторан, на пляж, — калькулятор никуда не девается. Ты уже начинаешь думать: «Какого черта? Почему мне с ним скучно?» Тебя просветить, почему, или сама догадаешься, что калькулятор мешает? Ну признайся же, что ты понимаешь, о чем я говорю, — ты же не глупая блонда.

— Я хочу побыть глупой блондой.

Алиса была не только очень красивой, но и очень умной, поэтому быстро сдалась и лишь сказала на прощание:

— Когда тебе расхочется, может оказаться, что уже поздно менять цвет.

Рената

Ангелина и сама понимала, что Алиса права, однако ей были приятны настойчивые ухаживания Карла. Все шло к свадьбе, но громкому торжеству не суждено было состояться.

Иногда судьба вмешивается для того, чтобы наказать, а иногда — для того, чтобы уберечь. В тот момент, когда Ангелина, действуя под давлением обстоятельств, о которых и пойдет речь ниже, приняла решение отменить свадьбу, она не могла увидеть, какой наряд выбрала судьба, — воинственной карающей фурии или доброй заботливой феи. Она не без раздражения вынуждена была послать Карла ко всем чертям.

Карл не всегда выходил на связь, но Ангелину это не расстраивало — когда не любишь, не скучаешь. Однако Карл оказался по натуре исключительно ревнив — он требовал ежедневного отчета в письмах о том, как прошло время без него. Он резонно решил, что напоминая о себе подарками, цветами и письмами, он исключит появление соперника. Ангелина неохотно, но покорилась. Изнемогая от недостатка тем, она открыла Фейсбук и нашла страницу Карла, решив, что какая-нибудь информация о нем может стать источником вдохновения, так как Карл был не просто требовательным корреспондентом, но и интеллектуалом, и любая эпистолярная фальшь вызывала у него раздражение. До этого она никогда не открывала многочисленные альбомы с фотографиями, которые он держал открытыми для друзей, но теперь, не зная почему, решила сделать это. Уже через пять снимков она начала зевать, — какие-то тегасы в ковбойских шляпах, конференция, пейзажи со всего мира (заснеженная Сибирь стояла особняком, и от ее красоты захватывало дух). Пожалуй, придется рассуждать о том, как климат влияет на темперамент. И вдруг Ангелина увидела, что один альбом хранил всего одно фото, — заинтригованная, она открыла его и увидела снимок, датированный прошедшей весной, — на нем Карл был запечатлен в обнимку с высокой молодой женщиной, светловолосой, как Ангелина. Всмотревшись в ее лицо, Ангелина с ужасом поняла, что женщина похожа на нее, как две капли воды, — вернее, по хронологии получалось, что Ангелина похожа на незнакомку, как две капли воды. Отличался только цвет глаз, — не голубые, а зеленые. И Ангелина зацепилась за это отличие, как за спасительное. Иногда незначительные детали несут на себе печать больших событий. Ангелина начала лихорадочно придумывать объяснение их сходству. Фотография была сделана не так давно, — на дворе стояло начало осени. То есть еще весной у американского пострела был роман, а летом он уже вышел на виртуальную охоту, и его надежды оправдались. Ангелина позвонила еще одной подруге, которая была специалистом по тропам любовного леса.

— Рената, дорогая, я должна увидеть тебя. Мне сейчас нужен твой совет, как никогда.

Рената, хоть и вечно спешащая, никогда не давала пустых обещаний. Она молчала. Ангелина, зная железный характер подруги, приняла ее молчание без удивления, — она знала, что, скорее всего, Рената сверяется со своим расписанием. В свою очередь, Рената осталась абсолютно равнодушной к взволнованному тону Ангелины. Она считала ее слишком эмоциональной, однако искренне ценила Ангелину за ум и долгую дружбу, поэтому после долгой паузы предложила увидеться в этот же день, но вечером, и это ничего не значащее обстоятельство роковым образом повлияло на судьбу Карла, который уже предвкушал свадьбу, и которую Ангелина пока еще решила не отменять. Роман с женщиной, пусть и поразительно напоминавшей ее саму, — это не преступление, в конце концов. Именно это она в глубине души и хотела услышать от Ренаты, но Ангелина недооценила свою подругу.

В ходе вечера было предложено несколько сценариев, — каждый из них леденил кровь по-своему.

— Может, он был на ней женат, а потом избавился от нее, и теперь ему надо найти замену — неизвестно, под какими документами тебя заставят жить.

— Рената, — простила Ангелина. — Это же не детективная история. Ну зачем матерому преступнику регистрироваться на сайте знакомств, выставляя реальную фотографию?

Рената прищурила глаза.

— А что ты о нем знаешь, кроме того, что он тебе сам рассказал? Это как у Агаты Кристи — она,

кажется, написала, что как только люди начали активно путешествовать, возникла большая проблема, — нам приходится верить людям на слово. Раньше можно было понять, что за человек перед тобой по тому, откуда он родом, потому что в округе все друг друга и друг о друге все знали, включая семейные тайны прошлого. Мужчина, называя свое имя, предъявлял тем самым рекомендательное письмо. А сейчас? Ты даже не можешь проверить, свое ли он имя называет или позаимствовал его у кого-нибудь.

Рената перевела дух и зловеще добавила:

— У кого-нибудь, кого, возможно, уже нет в живых.

Ангелина всплеснула руками.

— Нет, ну что ты говоришь? У тебя уже паранойя из-за того, что ты ничего, кроме кодексов и уставов корпораций не читаешь.

— Хорошо, — не теряя самообладания, ответила Рената. — Почему он, только расставшись с одной женщиной, ищет ей замену?

Ангелина не могла дать сколько-нибудь вразумительного ответа.

Рената торжествующе вскинула голову.

— Нечего сказать? О! А, может, он и не расставался с ней? Может, у него вас целая коллекция. Белоголовые ангелы... Фу, какая пошлость, но что с мужчин возьмешь? Ради симпатичного лица готовы на любой обман.

Ангелина вынуждена была признать, что такой сценарий не исключен.

— Ну, и как же рассекретить врага?

— Только атакой, никаких компромиссов с совестью! — Рената была прекрасна в своей воинственности, но Ангелину предложенная тактика не вдохновила.

— Атака по телефону или по Скайпу? — С сомнением произнесла она. — Ты же знаешь, что по телефону врать легче всего. Ну, скажет он мне, что это кухня его кухни, — в конце концов, она же не в подвенечном платье стоит.

— Неужели ты позволишь этому стареющему ловеласу получать благосклонность наших прелестниц за здорово живешь?

— Нет, Рената, конечно, я не пушу это на самотек, — риски слишком высоки. Но я бы не стала драматизировать эту ситуацию. В нашем возрасте сложно найти человека, имеющего в запасе одну любовную историю.

— Да. Не поспоришь. Я недавно познакомилась со шведом. Приехал сюда по делам. Ну казалось бы, северный темперамент! Характер нордический. Хотя меня смутило, что он кареглазый, седовласый и с орлиным носом. Не в том дело. Представился шведом, — поверила. Пригласил меня в ресторан. И уже в конце вечера, представляешь, оказывается, что у него, по его собственному признанию, послужной список — 1500 женщин. Я чуть в обморок не упала. Ну, говорю, шведы, даете вы! Он мне в ответ, скромно потупив глаза, — это я в папу-турка. Южная кровь дала о себе знать. Мир сошел с ума.

— 1500... Это слишком. Когда же он работал?

— В перерывах, — захихикала Рената.

— Он что, понравился тебе? — Заволновалась Ангелина.

— Нет, быть тысяча пятьсот первой у меня как-то нет желания. Давай лучше решим, что ты будешь делать, — свадьба на носу.

— Я уже сегодня поговорю с ним, Рената, — пообещала Ангелина, потрясенная рассказом о масштабах мужской любвеобильности.

Егор. Сибирь

В тот же день она вышла на связь с верным-неверным Карлом, но, увидев его, она заметила, что он выглядит озабоченным и расстроенным.

— Что-то случилось?

— Да, Ангелина, ты не представляешь, насколько я растерян.

— Я начинаю волноваться, — желая выглядеть заботливой, произнесла Ангелина, и Карл благодарно посмотрел на нее.

— Ко мне на прием зашел инженер. Жорж («Егор», — перевела Ангелина) Руцкой. Он сдал отчет, шутил. Выглядел абсолютно нормально. Ничего не предвещало неприятностей. И вот через четверть часа ко мне в кабинет влетают сотрудники и кричат:

— Жоржу плохо. Он лежит без сознания.

— Он молодой?

— Да, чуть больше тридцати. Очень талантливый. Сделал карьеру в Москве, сейчас его прислали сюда, потому что он исключительно ответственный. Несмотря на молодость, у него уже огромный опыт. А этот

проект требует именно такого человека, — выносливого и опытного. Никогда на здоровье не жаловался. В Москве у него остались жена и маленький сын.

— А когда он приехал?

— Три месяца назад.

— А что-то уже известно?

— Он жив, но в реанимации. Я поехал в больницу, и доктора мне сказали, что не хотят давать никаких прогнозов. В Москве уже знают, что случилось. Мне было неприятно с ними говорить, — похоже, все, что их интересует, — это как быстро он сможет снова приступить к работе. Моя вера в славянскую доброту серьезно пошатнулась.

Ангелина, сама не зная почему, прониклась этой историей настолько, что решила отложить разговор о злополучной фотографии и попросила Карла сообщить ей новости о Жорже, как только хоть что-то станет известно.

— А его жене сообщили?

— Ты знаешь, ей позвонила моя секретарь, и что мне показалось странным, — секретарь была очень взволнована, когда пересказывала разговор. Она сказала, — я с ней говорю, господин Карл, а у меня такое впечатление, что она даже не осознает, что ее муж между жизнью и смертью. Что ее поразило больше всего, и меня, признаюсь, тоже, так это то, что жена даже не спросила, когда и как ей приехать.

— То есть, как это?

— Просто молчит и все. А потом сказала, что телефон мужа отключен, и она просит секретаря сообщить ей исход. Вот именно такое слово. И она мне именно это слово передала, — я переспросил, вы уверены, что она сказала «исход»? И она подтвердила, а потом добавила: «Я сама ничего не понимаю». Ну, если русский человек не может понять русского человека, то куда уж мне, родившемуся в далекой Америке, расшифровывать смыслы?

Ангелина, пожалуй, в первый раз прониклась к Карлу искренней симпатией.

— Карл, я за тебя спокойна, потому что самоирония признак незаурядного ума.

Карл рассмеялся.

— Я поговорил с тобой, и у меня словно камень с души свалился.

— Но все это действительно странно, — а самое странное то, что врачи не сказали тебе, что с ним.

— Я жду вестей с минуты на минуту.

Ангелина спешно попрощалась, — чужая драма лишила ее покоя.

Какой-то далекий Егор Руцкой... Ну какое ей дело до него? Однако мысль о том, что молодой мужчина вот так, за 15 минут оказался на мостике между жизнью и смертью, вызвала у нее головокружение, как если бы она долго вглядывалась в бездну.

Ее раздумья нарушил звонок от Карла. Наверняка, он что-то узнал, — Ангелине понравилось, как Карл повел себя в этой ситуации, проявив искреннее сочувствие к судьбе другого человека. Как назло, связь не сработала, и звонки, едва начавшись, тут же прерывались. «Да, с Сибирью шутки плохи», — подумала со вздохом Ангелина, и фотографии с потрясающей красоты рассветами и закатами, которые так щедро присылал ей Карл, вдруг наполнились какой-то зловещей величественностью.

На следующий день Ангелина проснулась еще до рассвета, — сбросив с себя остатки сна, она вышла на балкон и увидела, что на еле розоватом небе собираются крошечные пушистые облака, всегда предвещавшие солнечное утро, но на некоторых деревьях то тут, то там можно было заметить желтеющие листья, нарушавшие зеленый благодушный фон. Подступало то осеннее время, когда цвета не сливаются в гармоничных переливах лета, а сталкиваются и соперничают в яркости, чтобы полнее обнажить красоту мгновения.

Солнце вырвалось из-за горизонта, и Ангелина вдруг ощутила такое облегчение, как если бы она увидела исход какой-то скрытой от ее глаз битвы титанов. Лето пока уверенно побеждало, и Ангелина улыбнулась солнцу.

Вчерашняя мрачная новость снова ожила в памяти. Карл не оставил своих попыток дозвониться, и Ангелина, которая приняла историю Егора близко к сердцу, тут же ответила.

— О, привет, как дела? — Непринужденно начала она.

Однако Карл был расстроен больше вчерашнего. По его всклокоченным волосам Ангелина поняла, что он провел бессонную ночь.

— Его увезли в Москву. Врачи не дают ему много шансов на спасение.

— Неужели все так плохо?

— Да. Вообще-то, еще хуже, чем плохо, Ангелина. Оказалось, что он пытался покончить с собой.

Ангелина охнула.

— Да, да, дорогая, я тоже словно получил удар током, когда узнал. Более того, никто до сих пор не может поручиться, выживет он или нет. А самое скверное, что как только в Москве узнали об истинном

положении дел, мне передали приказ составить отчет и сказали, что они пойдут на все ради того, чтобы замазать скандал. Я решил, что они говорят о том, чтобы пойти навстречу этому несчастному, но я ошибся. Мне дали понять, что уволят его задним числом.

— В один день лишиться и работы, и жизни, — пробормотала Ангелина. — Но теперь понятно, почему его жена вела себя так странно. Ей известно что-то, что привело его к такому страшному решению. Карл, что ты намерен делать?

— Ангелина, я бессилен.

— Ты должен помочь ему, если он выживет.

— Ангелина, когда самолет улетал, доктор в ответ на мой вопрос лишь покачал головой. Жизнь Жоржа висит на волоске. Единственное, что я могу для него сделать, — это написать отчет, который бы показал его в хорошем свете, как высококого профессионала, и так оно и было, — спешил выговориться Карл.

— Приложи к отчету рекомендательное письмо.

— Я боюсь, чтобы это не оказался некролог.

— О, это ужасно. Что могло случиться, чтобы молодой успешный мужчина попытался покончить с собой?

— Я хочу, чтобы мой контракт окончился как можно быстрее. Те люди, которых я встретил здесь, оказались настоящими, и я никогда их не забуду. Тем ужаснее был сегодняшний разговор с Москвой. Мне казалось, что мне позвонил не человек, а... устройство, — Карл от досады сжал губы.

— Ты сделал все, что мог, Карл. Тебе не в чем себя винить.

Однако в это мгновение историю Егора заслонили прежние страхи Ангелины. Она вспомнила о фотографии, и внутренний голос зловеще прошептал: «А может, Карлу все же есть, в чем себя винить?»

Карл, заметив, как глаза Ангелины из серо-голубых стали небесно-синими.

— Ангелина, ты совершенно не умеешь скрывать эмоции.

— Да, это правда. И есть только один способ с этим справиться.

— Какой же?

— Дать им волю, — решительно произнесла Ангелина.

— Что еще? — словно почувствовав приближение лавины, вздохнул Карл.

Он бросил на Ангелину обреченный взгляд, но она, отбросив минутную жалость, ринулась в атаку. Первый же вопрос, похоже, нанес сокрушительный удар по противнику.

— Сколько русских женщин тебя бросило за твою жизнь?

— Ты собираешься меня бросить?

— Это зависит от того, какое число ты назовешь.

— Никто меня не бросал.

— Потому что русских не было или по другой причине?

Карл замолчал. Наконец, он выдал:

— Ты меня пугаешь.

«Ну, это еще и не самый плохой вариант, — подумала Ангелина. — Лучше напугать, чем потом пугаться самой».

— Карл, я видела твоё фото с Ликой. Мне очень не понравилось, что она и я очень похожи. Мне очень не понравилось, что фото датировано этой весной.

Карл надолго замолчал, и Ангелина его не торопила. Она была странно уверена в своей правоте.

— О, Ангелина, ты только что открыла ящик Пандоры. Лика — это мое прошлое, но очень значимое.

Такой ответ Ангелине категорически не понравился.

— Я не люблю сложностей и интриг, Карл, — ты свободен от обязательств или нет? Все остальное, по большому счету, не так важно.

— У тебя есть время выслушать меня? Это очень длинная история.

Ангелине вдруг стало скучно, и она со вздохом сказала:

— К сожалению, нет.

— Ангелина, я прошу тебя, дай мне время. Дай мне шанс. Я даже рад, что ты увидела это фото. Ты можешь мне помочь. Я очень виноват перед Ликой.

Ангелина окончательно потеряла к Карлу былой интерес. Мужчина, чье прошлое вызывает у него столько эмоций, должен быть немедленно вычеркнут из претендентов. Этому правилу она следовала неукоснительно. Она вдруг взглянула на свое отражение в камере. Солнце уже поднялось достаточно высоко, и полуоткрытые жалюзи бросали на лицо Ангелины причудливо полосатую тень, делая ее похожей на «коммандос», разрисовывающих щеки для устрашения врага.

— Карл, ну почему всем цветам суждено распуститься и увянуть? Почему прелесть узнавания не может длиться вечно? Почему вы сами постоянно толкаете нас на войну?

— Я не хочу войны с тобой. Ты для меня была, как солнечный луч. Я обо всем забыл на минуту. Но

прошлом...

— Промое имеет над нами власть, ключи от которой мы сами вручаем ему. Ты по-прежнему думаешь о ней?

— Да, — после тяжелой паузы произнес Карл.

— Я никогда не смогу быть с мужчиной, чьи мысли все еще заняты прошлым. Мне жаль, но мы не сможем быть вместе.

Ангелина бросила на Карла прощальный взгляд и отключилась.

Она вдруг испытала огромное облегчение. Боже мой, как же, оказывается, все просто! Все, с сегодняшнего дня она и минуты не потратит на мужчину, если он не вызывает у нее никаких чувств, кроме опасений или скуки, пусть он будет трижды миллионер.

Карл. Письма

На следующее утро телефон оповестил о новых письмах настойчивым колокольчиком. Раз-два-три. Окей. Ангелина лениво потянулась, — жизнь без Карла — день первый, — с улыбкой подумала она. А что, собственно, их связывало? Виртуальный роман в письмах, о котором она уже едва помнит, одна короткая встреча, ее старательное убегание от его губ, а затем снова виртуальное общение, — он настаивал на том, чтобы она писала ему как можно чаще, но после их встречи она справедливо решила, что можно сбавить обороты и, сославшись на занятость, свела переписку к минимуму.

Так, официальное начало новой жизни без оглядки на старую. Почта... Ангелина нахмурилась, когда увидела, что все письма, пришедшие ранним утром, были от Карла. Несостоявшийся жених жаждет объяснений. История старая, как мир. Однако когда Ангелина открыла письма, она увидела, что он прислал ей заново часть их переписки. Он словно почувствовал, что память Ангелины будет по-девичьи коротка. Письма чередовались, — сначала ее, полные вопросов, а затем его, с ответами развернутыми, как конспект лекций.

«Ты похож на Хемингуэя, а это значит, что ты жадно наблюдаешь за миром. Но тогда ты должен так же жадно наблюдать за людьми. Ну, хорошо, то, что важнее для меня, — за женщинами. Кто из них оставил самое яркое, негасимое временем впечатление?»

И второй вопрос, боюсь, типичный для блондинки, — почему ты не женился снова? Международный рынок многообещающих женихов был объектом пристального женского внимания с незапамятных времен, — я не первооткрыватель темы, — отправляю тебя к авторитетному источнику в лице Джейн Остен.

Ненавижу писать длинные письма

Поцелуй намного веселее».

«Ангелина,

Я никогда не стремился познать мир пепла и камня, как и людей, его населяющих, — они скучны, однако я всегда, особенно в более молодые годы, искал те темные уголки планеты, которые не встретишь на карте, — мне были интересны места, где метафизика и мистика сливаются воедино, отсылая нас к древности, когда происходила калибровка ДНК человека и когда от любви женщин и ангелов рождались удивительные существа.

Относительно того, кто из женщин оставил в памяти немеркнущий свет? Когда я был совсем молод, я оказался в одной латиноамериканской стране, охваченной гражданской войной, которую устроили американцы, недовольные тем, что коммунисты были избраны на выборах, за что страна и получила заварушку по полной. Та женщина была медсестрой. Романтичной. Знающей только черное и белое и четко разделявшей добро и зло. Конечно, она жила только идеалами. Она примкнула к революционному движению, действовавшему в джунглях, — эта женщина для меня пример совершенства, — я любил и уважал ее. Она была убита во время этой революции.

Теперь позволь мне ответить тебе на вопрос о повторной женитьбе. Я воспитывал детей один. В тот год, когда младший поступил в университет, я был полностью поглощен бизнесом, которым занялся в 2003. Жениться и быть любимым для меня было из области непозволительной роскоши. Ни время, которым я располагал, ни настроение, в котором я пребывал, не способствовали тому, чтобы я мог обзавестись женой, как я того желал. Поэтому вместо того, чтобы быть эгоистом и разрушить жизнь какой-нибудь бедняжки, я остался один. Я тоже ТЕРПЕТЬ НЕ МОГУ ПИСЕМ, но твои я люблю, и, конечно, я ЛЮБЛЮ, ЛЮБЛЮ, ЛЮБЛЮ нежные поцелуи.

Скажи мне, прав ли я, считая, что женщина не согласится на половину любви, — она заслуживает мужчину целиком. Я ждал и работал на то время, когда любимой женщине я смогу уделять 1000 % своего внимания и давать столько же любви.

Хорошие вопросы, мой ангел.

Не всякому стал бы отвечать, но ты для меня — особенная».

«Привет, дорогой Карл.

Ты потребовал ежедневных писем.

Ты никогда не спрашиваешь меня о моем вчера, как будто хочешь получить чистый лист, и это то, что я искренне люблю в тебе, принимая это не как знак твоего равнодушия, а как уважение к границам личного и отсутствие собственничества, так часто отличающее мужской пол.

Но тебе я расскажу о моем прошлом, потому что если я исчезну, — а я этим грешу, — я не оставляю тебя хотя бы без объяснения, в котором раньше не чувствовала необходимости. Я напишу сейчас еще и потому, что ты мне нравишься за... (пункты см. выше).

После окончания университета я знала, что должна уехать-либо в Италию, либо в США, — выбор, не продиктованный логикой, только велением души. Наверное, своими планами я насмешила Бога, потому что в том же году мой старший брат погиб, разбившись на машине. Ему было 33, а мне — 21. Моя мама лежала в больнице в течение следующих двух лет, и если ты спросишь у меня, что я помню из этого времени, я тебе отвечу, — ничего. Черная дыра. Она закончилась внезапно. Однажды вечером я пришла после длинного рабочего дня домой, чтобы узнать, что мой кот, — черный красивый, — тоже погиб. Мой папа рассказал мне о том, как это произошло, сказал он также, что уже похоронил его, чтобы не причинять мне лишних страданий. Моя мама все еще была в больнице. Я была в квартире одна. Я рыдала, но без звука. Тишина — высшая музыка. Несколько часов без остановки. Два года мои глаза не пролили ни одной слезы, — даже на похоронах, — был декабрь, и ветер выл, шипел, стонал, словно испытывая голод по телу моего брата. Теперь все слезы, как водопад в немом кино, хлынули потоком.

Ночь закончилась — я была очень молодой, очень сильной.

И очень одинокой, потому что теперь я знала, что любовь и потеря всегда рядом».

«Моя дорогая Ангелина,

Я бы хотел убаюкать тебя, как ребенка.

Боль написана на твоём лице, особенно в твоих глазах.

Ни один человек, будь то мужчина или женщина, не знающие темную сторону луны, не могут быть близки мне. Не потому что я апологет страдания и боли, а потому что без этого знания они не поймут, что сделало меня тем, кем я стал. Только тот, кто узнал трагедию и стон души, могут рассчитывать на понимание меня, сегодняшнего. Вся моя жизнь подчинена исканиям, которые были сопряжены с невыносимой душевной болью, но я всегда улыбаюсь, и, наверное, от этого остро чувствую одиночество в толпе.

Ты не останешься одна, даже если исчезнешь. Помни, что ты от меня на расстоянии одного письма. Мы родственные души, мой Ангел, и я знал это в ту же секунду, когда взглянул в твои глаза.

Довольно слов, — я влюблен, и мне нравится это чувство.

Снова напоминаю тебе: помни обо мне, если ты решишь исчезнуть. Ты найдешь меня, как только я тебе понадобится.

P.S. Раньше я тоже исчезал, и мои коллеги, бывало, говорили: «Карл снова играет в Гудини».

Тем же днем было датировано еще одно письмо от Карла.

«Я прекрасно понимаю то, о чем ты пишешь. Ты невероятно сложная личность. Если мужчина, ищущий традиционно предсказуемую женщину, влюбится в тебя, его сердце будет разбиваться сотни раз в день!

Меня не интересует женщина-женушка в понимании, доступном большинству.

Простой любви будет недостаточно. Мужчина, желающий удержать тебя, не должен тебя контролировать или предъявлять на тебя права. Он должен принять как должное то, что ты, словно невероятно сложный механизм, и это именно то, что так привлекает меня в тебе, — не могу дождаться, когда я начну любить тебя по-настоящему. Я также обладаю большой интуицией. Я много чего видел, и это расширило мое восприятие жизни многократно.

Ты очень сложная женщина, и очень умная, но ты быстро теряешь интерес, и скука твой враг.

Одно из твоих достоинств — твоя чувственная творческая природа. Я знаю, что славянки вообще обладают этим даром, будучи чувственными и страстными, однако лишь немногим дано иметь эти кукольно соблазнительные губы, которые пробуждают мысль о спальне, и девственные глаза. Ты до опасного хорошо знаешь мужскую натуру.

Мне тоже быстро становится скучно. Но с тобой это будет невозможно, потому что в тебе можно найти 100 граней женственности.

Люблю тебя!

Карл».

Ангелина прочла эти знакомые ей письма, как будто они принадлежали кому-то из далекого прошлого. А признание в любви в последнем письме, вставленное на русском, почему-то стало для Ангелины лишним доказательством того, что она рассталась с этим мужчиной себе во благо.

Чего он хотел, прислав эти признания, чего добивался? Он выбрал те письма, которые посчитал наиболее важными... Они не тронули ее, хотя и с ее, и с его стороны ощущалась искренность боли. Она пожала плечами, — нет нужды ворошить минувшее. И она оставила его послания без ответа.

Ли́ка

Однако ее ожидал еще один сюрприз. Мы склонны искать объяснение тому, что осталось для нас тайной, поэтому Ангелина решила, что та злополучная фотография, которая и стала причиной раздора между ней и Карлом, на самом деле не содержала сколько-нибудь значимого секрета, однако она ошиблась, — загадка Ли́ки действительно существовала, и она раскрылась самым неожиданным образом.

Ключи от тайны предложил сам Карл, прислав еще одно письмо. В нем он писал, что был влюблен в Ли́ку, как ни в какую другую женщину, — она воплощала все его мечты, — женственная, красивая, с легкой грустью в глазах. Ли́ка, в отличие от Ангелины, никогда не была замужем. Ли́ка не имела детей, о которых мечтала. Карл писал, что каждый день, проведенный с ней, был наполнен особым смыслом, потому что ему уже тогда казалось, что его счастьем что-то угрожает. Он писал горячо и проникновенно, и Ангелину его слова тронули больше, чем она хотела себе признаться: «Возможно, поводом для беспокойства была та самая грусть в глазах Ли́ки, которую я замечал так часто, и чтобы прогнать которую, я был готов сделать все на свете. Мы стали близки уже через короткое время после знакомства, но она принадлежала к той редкой породе женщин, даже обладая телом которых, мужчина будет сходить с ума от ревности. Я называю это охота на душу, — она не приносила удовлетворения, и этим была ценна. Иногда я уходил от Ли́ки и давал себе слово не видеть ее, но уже через день я, сам не зная как, оказывался у ее двери, и больше всего боялся, что найду дом пустым. Наши отношения были неровными, но все-таки счастливыми, и она первой сказала об этом. До этого я и не думал о том, что ей нужен брак, но после ее слов я не колебался и секунды, сказав, что она должна стать моей женой. Она согласилась так легко, что на мгновение мне стало страшно, — вдруг наш официальный союз что-то изменит, и я потеряю неуловимость Ли́ки, которая единственно и держала меня рядом с ней, озаряя каждый день особым светом».

Далее он писал о том, что Ли́ка забеременела. Эта новость для Карла была одной из самых счастливых, но только потому, что он видел, какой радостью наполнились глаза его возлюбленной. Уже дважды отец, уже убеленный сединами, Карл и не помышлял о том, что в его жизни появится младенец, но ради Ли́ки он отбросил все сомнения и твердил: «Дети — это прекрасно». К сожалению, все оказалось не таким радужным, как вначале. Уже после третьего посещения врача Ли́ку попросили задержаться и сообщили ей, что по результатам анализов и обследования они могут с уверенностью сказать, что у ребенка обнаружена патология. Они настаивали на прерывании беременности. Ли́ка была категорически против. Она даже не смела произносить слово «аборт». Однако когда Карл поговорил с наблюдающим Ли́ку доктором, тот убедил его вмешаться. И Карл после двух бессонных ночей решился на разговор с Ли́кой. Он писал, что то время для него было покрыто серым туманом. Ли́ка поддалась уговорам. Она больше не была беременна. Но она больше не была и влюблена. Более того, ее сердце было переполнено болью и обидой. Карл писал, что женщина, которую ты любишь, так легко переносит тебя из рая в ад, что это парализует волю. «Я жил в потоке ненависти. И пришло время, когда я ощутил, что буду погребен под этим потоком навечно. В тот же вечер я уехал, попрощавшись с Ли́кой».

Ангелина была потрясена, — от письма веяло такой безысходностью, таким густым туманом неопределенности, что Ангелина не знала, какие слова Карл надеялся от нее услышать.

Она написала ему очень короткий ответ: «Не веря, что можно войти в одну реку дважды, я все же верю в то, что после ночи мрак рассеивается, и наступает утро. И для тебя, и для Ли́ки». Карл, как она думала, исчез из ее жизни навсегда.

Аэропорт

Краем глаза Ангелина заметила, что ее и Егора зарегистрировали на соседние места. Перед ней вдруг пронеслись события, которые заставили ее запомнить имя Егора. Ангелина в прошедший год очень редко вспоминала Карла, — она отнеслась к их несостоявшемуся браку, как к проекту, затраты на запуск которого не оправдали бы себя. Она удивилась причудливым поворотам судьбы, — история Егора была важна для нее, и она бы и сама не сумела объяснить себе, почему. Она посмотрела на него: высокий, короткие немного вьющиеся черные волосы, тонкие черты лица, заметная линия скул. «Печорин», — подумала Ангелина, но

тут же одернула себя, — она романтизировала его образ из-за того, что знала, какую драму ему довелось пережить. Самым поразительным было даже не то, что она столкнулась с ним при таких неожиданных обстоятельствах, а то, что он выжил, более того, ничто в его лице не выдавало страшного опыта, который едва не стоил ему жизни. Ангелина заметила, что Егор вопросительно смотрит на нее, — она, забыв о манерах, сначала уставилась на его билет, а теперь — на него самого.

— Простите, — пробормотала она.

Егор улыбнулся.

— Я заметила, что наши места будут рядом.

Это прозвучало так нелепо, что Ангелина, качнув головой, вдруг сказала:

— Егор, я знаю, что с вами произошло год назад, и я рада, что вы живы.

На его лице не осталось и тени улыбки, глаза его враз потемнели, однако он ничем не выдал своего потрясения. Спустя мгновение он посмотрел на Ангелину и сказал:

— Я никогда вас не встречал. Я бы вас обязательно запомнил, хотя... Ваше лицо мне кажется знакомым.

— Нет, Егор, вы не могли меня видеть. То, что мне стало известно — это совершенно невероятная история. Простите меня за то, что я так на вас уставилась.

— Прошу вас, расскажите мне. Мне будет любопытно. Я уже отвык от невероятных историй.

Объявили посадку. Впереди были два часа полета. Егор повернулся к Ангелине и спросил:

— Откуда же вы узнали обо мне?

— От американца, который работал с вами на проекте.

Полет

— От Карла... — Егор задумался. — О, так вот откуда я знаю ваше лицо. Он показывал ваше фото. Хвастался, — презрительно-снижительно сказал Егор. — У вас была приличная разница в возрасте с ним. Но ему нравилось, что у нас в России никто не закатывает глаза, если женщина намного моложе. Он еще говорил, что в Америке его бы прозвали sugar daddy. Он всем нравился. Очень открытый. И всегда улыбался. Что с ним? Я потерял из виду всех, кто был связан с моим сибирским временем.

— Я не знаю, Егор. Сибирь с тех пор для меня еще более суровый край, чем представлялся раньше, хотя Карл часто присылал мне фотографии с пейзажами неземной красоты. Мы с ним расстались. На то было много причин. Но в наш последний разговор мы говорили о вас. Он проявил искреннее сочувствие и возмущался звонком из Москвы...

— Да, как только я пришел в себя, первое, что узнал, — что потерял работу.

Егор невесело улыбнулся.

— Наверное, прокаженные на острове чувствовали себя так же скверно. Хотя нет... Я же мог скрывать перед незнакомыми людьми, что на самом деле записан в прокаженные.

— Егор, но вы живы. Более того, вы производите впечатление благополучного человека.

— Нет, это не впечатление. Я и есть вполне благополучный человек. Я и лечу-то этим рейсом, потому что другого на это время не было. Иначе я бы путешествовал бизнес-классом, — пожал плечами, добавил он. — Вы знаете, Ангелина, я не верю в такие случайности. Наверное, мы должны были сегодня вот так неожиданно пересечься. И, наверное, это для того, чтобы я оглянулся на этот самый странный год в своей жизни.

— Если вам тяжело говорить об этом, я ни в коем случае не настаиваю.

— Ангелина, вы будете первой, кто узнает о секретах, которые я бы предпочел похоронить.

Ангелина вдруг почувствовала, что задыхается от серьезности. То, что они обсуждали такую тяжелую тему, казалось, накаляло воздух грозowymi разрядами.

— Егор, я понимаю, что я старше, но мы можем перейти на «ты».

Ангелина с облегчением услышала, как Егор рассмеялся:

— Я и не подозревал, что младше тебя.

Ангелина улыбнулась в ответ.

— Спасибо.

Егор выдержал долгую паузу и, наконец, нарушил тишину.

— То, что произошло со мной, заставило меня по-другому смотреть на жизнь.

— Может, потому что ты понял, что тебе дан шанс жить вместо умереть?

Егор задумчиво кивнул.

— Я часто спрашивал себя, зачем мне нужен был такой жестокий урок. Почему другие обходятся без того, чтобы почти перешагнуть черту? Потом я понял, что в таких вопросах нет никакого смысла, — я не знаю о других ничего, кроме того, что они готовы открыть миру. Я не знаю, что привело их к неудаче или успеху. Такое знание мне дано только по отношению к себе. И то время, которое я потрачу на сравнения и

ненужные размышления, я с большей пользой потрачу на то, чтобы быть честным с собой.

Ангелина втянула голову в плечи, — в словах Егора была холодная правда, отрезвляющая, как холодный душ. Что может быть проще, чем свалить все свои ошибки на невезение? А еще лучше, — подумать обо всем попозже, перетекающее в никогда.

— Да, наверное, я понимаю, о чем ты говоришь.

— Но я забежал вперед. То, что произошло, случилось не в один день. Я долго испытывал судьбу на прочность, прежде чем она лишила меня сил. Когда я приехал в Сибирь, я был уже четко работающим механизмом, запрограммированным на взрыв. В Москве оставались жена и мой сын. Собственно, все и началось после его рождения. У меня так блестяще складывалась карьера, все происходило, как будто само собой, — университет, сразу после окончания отличный контракт, потом встреча с будущей женой, — красавица и умница, как принято у русских женщин. Волна удачи. И в какое-то мгновение я поймал себя на мысли: «Что-то слишком солнечно, без адреналина». Наверное, в тот самый момент я и соскочил со светлой волны удачи, даже не заметив этого.

Ангелина сказала:

— Я когда тебя рассматривала, решила, что похож на Печорина. Но сейчас вижу, что скорее ты Кай, а значит, — должна появиться Снежная Королева.

Егор засмеялся:

— Только у наших барышень воображение перенаселено книжными персонажами. Но, Ангелина, ты действительно попала в самую точку, хотя ты сейчас поймешь, почему я рассмеялся... Мы отправились с женой в Дубаи. С нами была еще одна пара, — и мы, и они оставили детей с родителями. Я и задумывал эту поездку ради жены, — хотел, чтобы она после рождения малыша немного отдохнула. Чувствовал себя полубогом. Щедрым, дающим. Моя жена даже сделала мне замечание, — сказала: «Егор, ты стал таким напыщенным, до смешного. Если все дается тебе легко, будь вдвойне благодарен». Я только вспылил и обвинил в неблагодарности ее. Тот вечер мы решили провести отдельно, — жены отправились в торговый центр, а мы с другом — в клуб. Дальше все происходило с невероятной быстротой. С нами познакомились две чернокожие проститутки. Из Эфиопии. Та, которая понравилась мне, немного говорила по-английски. У нее в глазах было такое невинное выражение, что это меня и погубило. Тело при этом она имела совершенно роскошное, — тонкие руки, безупречные ноги, линия шеи, — черный лебедь, а кожа такого нежного оттенка, что казалось, что перед тобой шоколадный десерт, покрытый тончайшей молочной глазурью. Что я могу сказать? Эфиопки считаются одной из самых красивых африканских наций не напрасно. Но меня это не оправдывает, конечно. Я не собирался с ней спать, — мне хотелось убить время. Я смеха ради начал расспрашивать ее, как она дошла до жизни такой. И она мне рассказала, что очень рада тому, что жива, что многие ее друзья умерли еще в лагере. Каком лагере? В лагере, в который собрали годовалых детей, оставшихся круглыми сиротами: в то время в Эфиопии бушевала война. Она с гордостью сказала, что она, как и русские, православная, и меня это тронуло, пусть даже это было все, что она знала о русских. Я спросил, давно ли она в этом бизнесе, — нет, недавно, но она снова подтвердила, что на судьбу не жалуется, потому что в Африке бы точно умерла. Она, конечно, была очень невежественна, потому что не имела возможности даже в мало-мальски приличную школу ходить. В общем, возвращаясь к твоим словам, сам того не зная, в тот момент я встретил свою Снежную Королеву. Черную Королеву. Нищую, плохо образованную, продающую себя. Она назвала себя Лидией. В пятнадцать лет Лидия начала жить с каким-то эфиопом и безропотно работала в его лавке за еду, потом его семья начала использовать ее в свободное время, как няньку и прислугу. А потом он, видимо, пресытившись ее юностью и неопытностью, убедил ее отправиться в Дубаи, как он сказал, горничной. Когда она приехала сюда, на следующий же день она поняла, какого рода работа ей предстоит. Плакала она только от обиды, ведь ей пришлось посмотреть правде в глаза и принять, что мужчина, которого она любила, продал ее, как наскучившую собаку. Однако ей в какой-то степени повезло, потому что чернокожие проститутки тут ценились очень низко. Она же попала к хозяину, который заботился о своем товаре, а она из-за своей красоты попала в положение привилегированных, — ей разрешалось работать только четыре раза в неделю и только в баре этого клуба, одного из самых дорогих в городе. Как она относилась к тому мужчине, который распорядился сначала ее невинностью, а потом женской судьбой? Православие призывает к прощению.

Егор поверил и в ее историю, и в ее прощение, — в глазах его новой любви не отражалось ничего, кроме уже восходящего солнца. Лидия в тот день получила деньги просто так, чтобы потом рассказывать, что русские самые щедрые, самые лучшие, самые сильные. Расставшись с ней, Егор не думал о продолжении, — он даже не взял номер телефона Лидии. Возвращался в отель он в глубокой задумчивости. Его жена, заметив настроение Егора, сказала со смехом, что с таким лицом не в клубах прохлаждаться, а Баха слушать, и он вдруг с раздражением подумал, что их брак съела ржавчина рутины. Они и поженились только потому, что оказались из одного круга, одного поля ягоды. Рождение сына заставило их воспринимать друг друга с этих пор как нечто незыблемое. На смену уверенности, так согревавшей вначале, пришла привычка.

Сразу после возвращения Егору сообщили, что на ближайшие полгода он отправится в Дубаи. Он даже не удивился. С этого мгновения он знал, что приедет назад и тут же разыщет Лидию, которая благодаря фатализму Егора или прихоти судьбы стала его путеводной звездой. К тому времени, как его жена и маленький сын присоединились к нему в Эмирате, Егор уже не только нашел Лидию, но и снял для нее маленькую квартирку, оплатил уроки английского и самозабвенно любил ее каждый день. Чем интимнее было узнавание, тем больше закручивалась спираль привязанности, а когда Егор очнулся, так как его жена прямо его спросила, изменил ли он ей, было уже поздно. Он не мог заставить себя притронуться к жене. Дом, внешне благополучный, наполнился тоской.

— Ты знаешь, Ангелина, я потом спросил у жены, чего она ждала. Она ответила — развязки. Она верила, что коль скоро время убило любовь к ней, то точно так же оно убьет и любовь к другой женщине. Но я искренне полагал тогда, что жизнь в треугольнике может продолжаться бесконечно долго. Если бы кто-то спросил, а если завтра назад в Москву, я бы не знал, что ответить, кроме того, что каким-то образом перевезу и Лидию, и все будет, как прежде.

Жена, узнав историю пассии Егора, заставила себя поверить в то, что наваждение закончится с окончанием контракта. Однако полгода переросли в год, а затем — во второй. Егор фактически жил на две семьи, и русская диаспора, осевшая в Эмиратах, охотно записала Егора в сумасшедшие, — его жене все выражали симпатию и поддержку, но так как Егор был успешным и независимым, мало кто мог его остановить или критиковать открыто. Закончилось все банально. Лидия, за это время нарастившая лоск и пришедшая, наконец, к осознанию своей власти над мужчинами, спросила Егора, собирается ли он разводиться. Ее вопрос был для него откровением. Галатей переросла Пигмалиона. Когда он ответил отрицательно, Лидия прищурила свои рысьи глаза, из которых на мгновение исчезла невинность, так чаровавшая Егора и многих других, и сказала что-то на своем языке. Егор почувствовал, как будто что-то укололо его, но не обратил на это внимания. В тот день он нашел в кармане своего пиджака какую-то смешную африканскую рожицу, но принял это как милую выходку Лидии и ее желание помириться. В их следующую встречу он ощутил сильную жажду и резкое сердцебиение — за окном солнце раскалило землю до белого тумана. Егору всегда было смешно смотреть на Лидию, которая зимой куталась и жаловалась на холод, в то время, как Егор при первой возможности менял туфли на легкомысленные шлепанцы. В этот раз она сказала, подав ему воды, что русскому никогда не полюбить восточного солнца, и это внезапно привело Егора в ужасное раздражение, едва ли не бешенство, — впервые ему захотелось уйти, и он быстро покинул квартирку, радовавшую его до этого. Однако уже в машине его с непреодолимой силой потянуло назад. На следующей неделе ему сообщили, что в связи со сменой руководства его отзывают из Дубаи, — ему и его семье предстояло срочно вернуться в Москву, — Егора ожидало новое назначение, но какое и куда, он не знал. Сначала эти новости привели его в панику, однако он тут же решил, что Лидия присоединится к нему. Она отвечала как-то уклончиво, но Егор, который привык, что она не может обходиться без него в повседневной жизни, не обратил на это внимания. Он уезжал если не с легким сердцем, то в полной уверенности, что ничего не изменится. Ему, однако, не нравилось его собственное настроение. Он стал легко впадать в раздражение и агрессию. Сын, который неизменно был для него источником радости, вдруг стал капризным, играл неохотно, и если Егор приносил подарки, часто бросал их, не выказывая прежнего счастья. В Москве дела и вовсе пошли из рук вон плохо, — их квартиру перед самым приездом ограбили. В первый же день в пробке Егора едва не насквозь протаранили, — он чудом остался жив, но ему предстояло срочно менять машину. Телефон Лидии не отвечал. Егор начал нервничать, однако когда он получил от нее письмо, то успокоился. Она сказала, что пропустила звонки случайно, и вообще, телефон что-то барахлит, наверное, вот-вот сломается. Егор выслал ей деньги на покупку нового телефона в тот же день, но и это не помогло, потому что Лидия отвечала все реже, и уже когда Егор отправился в Сибирь, — ему предстояло оставаться там всего четыре месяца, после чего ему пообещали возвращение на Ближний Восток уже в новом, еще более выгодном положении, и он сообщил об этом жене по телефону, а Лидии — письмом, он услышал два отказа. Жена наотрез отказалась отправляться снова в город, оставшийся в ее памяти как источник непрекращающейся агонии, полированной роскошью, которая одна только и позволяла ее терпеть. А Лидия презрительно написала, что больше не нуждается в благодеяниях Егора. Она встретила испанца, тоже инженера, который хочет на ней жениться. Егор читал это письмо, и все перед ним плыло, как в тумане. Он уже очень давно чувствовал, что каждое утро ему требуется все больше усилий, чтобы проснуться, он уже забыл, когда его наполняла радость просто оттого, что впереди еще один день. Все его мысли были сосредоточены на Лидии, — он задумался на секунду. Деньги, деньги... Он пересылал их едва ли не каждую неделю. Жене ему было не жалко совершенно, поэтому ее жесткий отказ и ультиматум разрешить наконец эту мучившую ее ситуацию стали для него неожиданностью. Однако его это не волновало, потому что все его мысли были заняты любовницей, теперь уже бывшей, и мысль о том, что она банально его использовала, тут же затуманивалась воспоминаниями обо всех днях и ночах, которые он провел в объятиях Лидии. Она так щедро дарила ему и тело, и душу, но он никогда не чувствовал пресыщения. Прямоугольник кровати,

ставший на два года больше мира... Он видел перед собой только лицо Лидии, — ему казалось, что он подхвачен чьей-то рукой, настолько сильной, что сопротивление ей было смешным и бесполезным.

Они начали приземляться. Ангелина не заметила, как пролетело время. Воздушные признания приземлялись вместе с ней, не желая раствориться в бездонном просторе.

Стамбул

Уже на выходе из самолета Егор спросил Ангелину, сможет ли он встретиться с ней вечером. Ангелина, поколебавшись, согласилась. Она подозревала, что подруга, которая настойчиво приглашала ее погостить несколько дней, на самом деле позвала ее на смотрины. Она была счастливо замужем за турком и отчаянно скучала без общения с русскими подругами, — Ангелина подходила ей идеально, поэтому уже не раз и не два, как бы невзначай Аля присылала ей фото усатых упитанных красавцев в самом расцвете сил, как на подбор не женатых и страстно желавших обременить себя браком со славянкой.

Оставив Егору номер телефона, Ангелина чмокнула его в щеку. Аля, которая встречала ее в аэропорту и видела картину прощания, обняла Ангелину, но тут же со вздохом осуждения сказала:

— Со своим самоваром...

— Аля, ну разве он похож на самовар?

Отсмеявшись, Аля спросила:

— Это серьезно?

— Нет, не думаю, — ответила Ангелина. — Ты все неправильно поняла. Мы только что познакомились. Хоть он мне и понравился, думаю, что нас будут связывать только дружеские чувства.

— Почему? — Искренне изумилась Аля.

— Это слишком долгая история.

— Только познакомились, и уже долгая история? Что-то здесь не так. И потом, я не верю в дружбу между мужчиной и женщиной.

О, Аля готова была сесть на своего любимого конька: свободное время, которым она в избытке располагала в результате благополучного брака, позволило Але перечитать кучу литературы психологического и философского толка. О, теперь она жаждала распространить полученные знания, но вот беда, — в Турции это было сделать довольно сложно, так как турецкие барышни не желали утруждать себя экзистенциальными беседами.

— Аля, ну почему? Что предосудительного в общении мужчины и женщины, которые разделяют те же интересы?

Аля набрала в легкие побольше воздуха, но тут на выезде из парковки их чуть не подрезали, и Аля использовала весь запас кислорода на водителя, с которым ее, очевидно, никакие общие интересы не связывали...

Три вечера в Стамбуле

Ангелина из своего визита запомнила именно вечера, потому что Егор проводил их в ее обществе, и все они проходили по одинаковому сценарию: он приглашал ее в ресторан на берегу Босфора, где они, наслаждаясь красотой заката, вели неспешную беседу. Вернее, Егор продолжал свой рассказ, а Ангелина изредка прерывала его замечанием или вопросом.

Первый вечер

В первый вечер Егор, взглядевшись в линию горизонта, неожиданно сказал:

— Здесь бы мне даже в голову не пришла мысль о расставании с жизнью. Прости, что говорю банальности, но посмотри вокруг — жизнь прекрасна. И здесь, чтобы разорвать порочный круг, мне не пришлось бы платить такую высокую цену...

— Порочный круг? А ты не думал о том, что тебя втолкнули в этот порочный круг?

— Что ты имеешь в виду?

— Вернись к своему роману с Лидией. С того времени, как она произнесла что-то на своем языке, ваши отношения безнадежно изменились.

— Это правда, — сказал Егор. — Сейчас мне трудно понять, как я мог увидеть выход в самоубийстве. После того, как я узнал, что она потеряна для меня навсегда, ее лицо преследовало меня. Я вдруг осознал, что жизнь кончена, в ней больше нет смысла. На сердце словно был камень, — знаешь, когда говорят «света белого не вижу». Вот и со мной было так же. Если бы мне кто-то что-то подобное рассказал, я бы лишь отмахнулся и списал все на слабость воли, ну, или, чтобы уважить собеседника, на пресловутую русскую

тоску. Но это действительно происходило со мной. Ничего не приносило мне радости. Меня окутал плотный серый туман. Ни входа, ни выхода. И какой-то голос шептал, повторяя монотонно, как в бесконечный осенний дождь: «Надо исчезнуть. Надо уйти».

— Слишком много совпадений... — С сомнением в голосе произнесла Ангелина. — Иногда чужая воля оказывается сильнее нашей собственной.

— Нет, Ангелина, я не склонен обвинять других в собственных ошибках. Именно на этом я всегда строил собственный успех. Если даже Лидия и решила сознательно причинить мне вред, то это стало возможным только потому, что я был благодатной почвой для любого зла, — любое семя, посеянное в то время, дало бы быстрые всходы, — я жил, не отдавая себе отчета в последствиях своих поступков. То, что я принял решение уйти, может, и было продиктовано чужой волей, но я сделал все, чтобы позволить этой невидимой воле завладеть собой без остатка. Ты знаешь, Ангелина, этот момент моей жизни был самым страшным, но и самым важным, потому что я узнал...

Егор запнулся, а Ангелина вся подалась вперед, боясь пропустить хоть слово. Она почувствовала, что Егор готов поделиться тем, что, возможно, скрывал даже от себя.

— Я узнал, что жизнь не заканчивается смертью. Тело может превратиться в подобие тряпичной куклы, но ты не теряешь с ним жизнь. Когда я был без сознания, я видел себя на берегу огненного озера. В нем клубился дым, а пламя, разрывавшее дымовую завесу, становилось то сильнее, то слабее. Из озера были слышны стоны, — так стонут люди, которые испытывают непрекращающуюся боль. Я был у самого края. Я никогда не забуду, как меня охватила такая невообразимая тоска, что я бы предпочел превратиться в ничто, раствориться в воздухе без остатка, лишь бы не оказаться внизу. На секунду меня пронзила мысль: «Я хочу дня, чтобы солнце только-только покинуло зенит, и было еще далеко до заката». И эти слова, как волшебство, словно подхватили меня, и я очнулся, и увидел мрачное лицо доктора, но это не имело значения. С тех пор даже звук этих слов «день», «закат» для меня, как глоток свежей воды.

— А дальше? Что же произошло потом?

— О, потом начался настоящий ад. А как могло быть по-другому, Ангелина? Если ты оказался посреди темного леса, ты как-то туда попал. Во-первых, мне довольно сухо и презрительно сообщили, что я уволен. Мне дали понять, что я стал источником большого разочарования для руководства компании, и что мне не стоит рассчитывать даже на рекомендательные письма, — путь в профессию, которая дала мне статус успешного человека, был мне теперь заказан, во всяком случае, в России. Я принял эту новость равнодушно, до конца не осознавая, что я потерял не только работу, но и репутацию. Я думал только о том, что мне довелось пережить. Сознание потихоньку прояснялось, и теперь я ясно видел, что важно, а что подождет.

— Но выжить в Москве?

— Ангелина, кто понял жизнь, тот не спешит.

Ангелина улыбнулась.

— Да, и мудро, и удобно.

— А как сложилась судьба Лидии?

— Меня это больше не интересовало. Даже удивительно, — та женщина, которая стала источником таких страданий, после того, как я выжил, потеряла для меня всякую ценность. Словно возле того огненного озера все ненужное сгорело, — я вернулся прежним, но смотрел на все по-новому.

Второй вечер

После того, как Ангелине был представлен очередной поклонник, — без усов и стройный, как кипарис! — Аля сказала:

— Надеюсь, ты одумаешься. Помни, что время беспощадно к нам, женщинам.

Она подошла к зеркалу и всмотрелась в свое лицо, — Ангелина рассмеялась.

— У тебя еще далеко не тот возраст, когда можно бояться беспощадности времени.

— Тебе хорошо говорить. У тебя такой тип лица, которое и в старости будет выглядеть красиво. А мне надо много трудиться, чтобы сохранить красоту.

— Спасибо. Но я думаю, что ты преувеличиваешь, — и вообще, знаешь, как говорят, — красота в глазах того, кто смотрит. Так что в любом возрасте у нас есть шанс.

— Ну да. То есть если у мужчины близорукость, то шансы женщины резко возрастают.

— Какой цинизм, — с укоризненной улыбкой сказала Ангелина.

— Тебе понравился Мурат или нет?

— Да, понравился, но Егор мне нравится больше.

— Да кто он такой???

— Человек, переживший большую драму. Человек с необычной судьбой... — Задумчиво протянула Ангелина.

— Звучит очень высокопарно, но это болезнь всех влюбленных, — холодно сказала Аля. — Он женат?

— Да, он был женат, но каково его семейное положение сейчас, я не знаю.

— Нет, это непозволительное легкомыслие. Чем он хотя бы занимается? — спросила прекрасная практичная Аля.

— Надеюсь, что сегодня вечером я об этом узнаю, — ответила Ангелина.

Ничто не нарушало тишины вечера: волны были ласковыми и крошечными, а облака, нависшие над Босфором, легко разгонял игривый ветер.

— Ангелина, я так ждал встречи. Ты знаешь, наверное, мне нужно было заново пережить то, с чего начался этот год. Я увидел, как далеко ушел от того растерянного, враз обедневшего парня, который двигался, как в потемках, выбирая не тех женщин и не тех друзей.

— Лидия навсегда исчезла с горизонта, но больше это не трогало тебя.

— Да, именно так. Гораздо большее оказалось то, что ушла и жена. Она так испортила меня своим всепрощением, что я и думать не мог, что она вот так просто исчезнет из моей жизни. Только после того, как я потерял ее, я понял, какой ценной она была для меня. Пока я был в Сибири, она познакомилась со шведом. В первый день, когда я очнулся, я оставался один, — ко мне пустили только представителя компании. Жена пришла ко мне в больницу на следующий день, заплаканная, но решительная. Я сразу понял, что она сейчас сообщит мне что-то непоправимое. И так и случилось. Она просила меня начать бракоразводный процесс и подписать бумагу на вывоз ребенка. В шведе она была уверена больше, чем во мне, и это было для меня, как удар хлыстом. Я ни словом не прокомментировал ее решение о разводе. Я лишь спросил, почему она думает, что я подпишу фактический отказ на право быть отцом собственному сыну. Я никогда не отказывался от заботы о нем, я был хорошим отцом, и единственное, в чем могу себя упрекнуть, — это в том, что я разрушил этот брак с безоглядностью, на которую умный мужчина, конечно, не способен. Она тут же ответила, что если я не подпишу бумагу, она сообщит о том, что я пытался покончить с собой по месту моей работы. Я засмеялся и сказал, что шантаж не пройдет, — она разговаривает с безработным. Тогда она сменила тактику и сказала, что не видит другого выхода, что я обязан хотя бы раз поддержать ее за все те годы, когда она поощряла мой эгоизм и терпела двусмысленное положение нелюбимой жены. Я согласился. Те деньги, которые оставались у меня, я потратил на адвоката, — в рекордно быстрый срок моя жена получила и бумагу о разводе, и временное разрешение на то, чтобы мой сын уехал в Швецию. Я, как мог, подстраховал себя, обязав адвоката прописать все возможные и невозможные пункты, чтобы не потерять отцовство. Теперь новыми источниками силы были тот потусторонний опыт, который меня научил по-другому относиться к земному времени, и мой сын, маленький, мало что понимающий, но оттого еще более любимый и важный.

Первое время я жил тем, что сдавал нашу большую квартиру, а сам в это время ютился в какой-то комнате на окраине окраин. Это был новый круг ада. Я увидел, как легко скатиться с вершины. Телефон молчал. Все друзья, которые так охотно принимали твою визитную карточку, когда ты был успешным и мажорным, исчезли. Я втайне радовался, что мои родители не дожили до времени, когда бы им пришлось стать свидетелями моего падения. Родители жены повели себя неожиданно: ее мама позвонила мне и плакала в трубку, желая счастья и надеясь на то, что я и ее дочь снова будем вместе, несмотря ни на что. Она была единственной, кто сказал мне в это время: «Егор, я в тебя верю, ты снова будешь успешным». Ее отец, напротив, позвонив, тут же перешел к проклятиям и угрозам.

— Почему это стало неожиданностью?

— Потому что до этого ее мама была довольно сдержанной. Она не хвалила меня, но и не критиковала. Отец моей жены, напротив, записался в мои приятели, — ему нравилось, несмотря на разницу в возрасте, вести себя так, как будто он мой ровесник. Он открыто восхищался тем, что я делаю карьеру, любил давать советы, вникал в интриги, у него были влиятельные знакомые, и он несколько раз предлагал помощь. Однако ему и в голову не приходило, что я неверен его дочери. Как только он узнал о том, что я изменял его дочери, и у меня несколько лет была любовница, он пришел в ярость. То, что я выслушал в тот день по телефону, в приличном обществе не повторишь. Я молчал, потому что, конечно, был виноват, но и не извинялся. Я ожидал, что если уж моя жена нашла в себе силы мириться с таким положением вещей, то ему и подавно не стоило вмешиваться в нашу жизнь.

Егор надолго замолчал, и Ангелина не прерывала его, понимая, что он подходит к, возможно, самой драматичной части своего рассказа.

Наконец, он оторвал взгляд от Босфора и перевел его на Ангелину.

— Ты, наверное, думаешь, — бедняга, на радаре только две метки «плохо» и «хуже». Работа, семья, — все прахом, — словно угадав ее мысли, сказал Егор.

— Да, примерно так, — ответила Ангелина.

— А на самом деле все было не так, — вдруг залихватски ответил Егор и улыбнулся по-мальчишески. — И, вообще, Ангелиночка, я, если не возражаешь, закончу рассказ о себе завтра. Иначе я не смогу убедить тебя снова прийти на свидание со мной. Я же видел, как сегодня смотрела твоя подруга, когда

я ждал тебя.

— Нет, нет, тебе нет нужды превращаться в Шахерезаду, — я с удовольствием встречу с тобой просто так.

Егор захохотал.

— Нет, Шахерезадой мне стать не по силам. Такая роль — только для женского ума.

— Восточного ума, — добавила Ангелина.

— А вот Стамбул, по-твоему, — Восток?

— Да, задал ты мне задачку, — улыбнулась Ангелина. — Особый город. Но думаю, что все-таки да, Восток.

— Тогда чтобы усилить интригу, скажу тебе, — Восток, получается, меня спас.

Солнце свалилось за горизонт, и небо враз накрыло Босфор темнотой.

Третий день

Ангелина подгоняла стрелки часов, — еще никогда она не ждала свидания с таким нетерпением, даже в юности она не позволяла любопытству и темпераменту управлять своим настроением. Но история Егора не давала ей покоя именно потому, что она, видя Егора, знала ее благополучное окончание, — как за столь короткое время человек, потерявший все, не только стал на ноги заново, но и, очевидно, сумел обратить свои потери себе на пользу?

Он сказал ей, что остановился в одном из отелей на берегу Босфора, а Ангелина знала, что суточная стоимость таких апартаментов очень высока. Но даже не материальные атрибуты подтверждали благополучие Егора, а, скорее, его манера держаться и говорить, его уверенность и внутренняя сила, которая заставляла официантов чуть почтительнее себя вести, а случайных собеседников чуть внимательнее прислушиваться к тому, что он говорит.

Когда она поделилась своими наблюдениями с Алей, та сказала:

— Это называется харизма. Она или есть, или ее нет.

Ангелина спросила:

— И, по-твоему, она дается при рождении? Младенец с харизмой, младенец без харизмы. По-моему, Аля, это какая-то чушь.

— Ну что у тебя за несносная манера, Ангелина? Любую идею обсмеять, да еще с такой изощренностью, что просто нет слов.

— Хорошо, положим о младенцах это перебор, но все-таки, Аля, ты сказала это слово, а объяснить его не можешь, ведь так?

— Я не могу? — Задохнулась от возмущения Аля. — Да мне уже можно психологию в университете читать.

— Хорошо, хорошо, — поспешила успокоить подругу Ангелина, заметив, что задела ее за живое. — Я несколько не сомневаюсь в твоих знаниях.

— Да дело даже не в знаниях. Харизма — это же так просто. Вот не понравился тебе Мурат, потому что подвернулся этот Егор. И тот, и тот — примерно одного возраста, даже роста одинакового, волосы темные, телосложение похоже, конечно, — один славянин, другой... не славянин, ну не важно, ведь не в национальность влюбляемся, — в человека. Значит, остается одного объяснение — харизма. То есть то, что заставляет нас проникаться симпатией и бессознательно выделять объект, стоящий в ряду подобных, при прочих равных условиях выбора, — триумфально завершила Аля.

— Достойно учебников, — рассмеялась Ангелина, но вспомнив, как возмущенно Аля отреагировала на критику пять минут назад, тут же замолчала.

— Сформулируй лучше, — ехидно парировала Аля.

— Нет, куда мне, — ответила Ангелина, — тем более, что объект должен скоро приехать, а я еще не привела себя в порядок.

— Значит, я права? И у Мурата нет никаких шансов? Он звонил вчера, я наплела что-то про посещение подруги нашей подруги, но, по-моему, он не очень поверил. Ты же знаешь восточную подозрительность.

— Аля, ты даже не представляешь, как я тебе благодарна, — не всякий родной человек сделает столько, сколько ты сделала для меня.

— Ну что ты, право слово, Ангелина? Сколько лет мы друг друга знаем... Нет, говорить цифры я тебе запрещаю. На самом деле я очень рада, что ты вырвалась ко мне, — честно говоря, просто не представляю, как я перенесу твой отъезд. Не хочу сентиментальничать, но время в твоём обществе летит незаметно.

Ангелина, растрогавшись до слез, не знала, что ответить.

— Твои слова, как бальзам. Если у меня не сложится с Егором, я обещаю выйти замуж за Мурата, только чтобы остаться здесь, с тобой.

— В каждой шутке есть доля шутки, Ангелина, — рассмеялась Аля. — Знаешь, иногда вот так скажешь что-то, а окажется, как модно сейчас говорить, что послал запрос во вселенную, и пока ты наслаждаешься утренним кофе и ни о чем не подозреваешь, где-то там, далеко, какие-то силы уже приступили к выполнению твоего заказа.

— Ты знаешь, вот здесь я с тобой соглашусь полностью. Недаром говорят, — будь осторожен в своих желаниях.

— Ангелина, раз уже зашел разговор, — ты напомнила мне о кое-чем любопытном. Перед отъездом из России мне дали на рецензию книгу по фен-шую. В одной из глав тетенька-автор авторитетно заявляла, что если вы аккуратно напишите на бумаге все, чего желаете, но обязательно такими словами, как будто это уже сбылось, а потом завернете этот чудесный список в серебряную бумагу и положите его в какое-то особое место в доме, — вот уж не помню, — то ли юго-восток, то ли просто восток, — неважно... то будет вам счастье. В общем, я написала рецензию, благополучно отвезла книгу в издательство, а потом сделала все, чему она научила, — и список, и бумага, и компас как оружие любознательных, — как водится, потом забыла и о книге, и о списке. И вот, недавно, уже здесь разбираю я какие-то бумаги и вдруг натыкаюсь на этот самый список, — а списку-то уже, как хорошему вину, несколько лет. И что ты думаешь, читаю его и вижу, что все исполнилось.

— Неужели? — Изумилась Ангелина. — И что же было в списке, Аля?

— Что я живу недалеко от моря.

Аля бросила многозначительный взгляд на окно, за которым острыми иголками солнце пронизывало беспокойную воду.

Ангелина приготовилась к другим чудесам.

— Что мой муж (которого, дорогая моя, на тот момент у меня не было) очень любит меня. Что я говорю на незнакомом в России языке.

— Да, Аля, это впечатляет. Действительно, все сбылось.

— Послушай еще. Я, глупая, написала, мой муж путешествует. И ведь да, он путешествует. Из-за того, что ему приходится ездить в командировки едва ли не каждую неделю. А я-то имела в виду, когда писала, что МЫ путешествуем. Так что, как говорится, аккуратнее с формулировками.

Ангелина рассмеялась.

— Непременно попробую. Заодно будет повод съесть большую шоколадку, иначе где я возьму серебряную бумагу?

Вечер того же дня

— Я сгораю от любопытства, — не кокетничая, сказала Ангелина, как только Егор пригласил ее сесть за стол.

— Есть от чего, — ответил Егор. — Я провел много времени, задавленный депрессией. Еле сводил концы с концами, но самым сложными были даже не материальные лишения, а душевная пустота. Был апрель, — в этом году холодный, а потому длинный, невыносимый, — казалось, что не только я изнурен зимой. Я шел по улицам и сортировал лица по бледности. О, бледный, очень бледный, подземно-бледный. Себя я не видел, я старательно избегал зеркала, отводил глаза, когда замечал отражение. До сих пор не знаю, как это объяснить. Я с удивлением замечал в себе и другие перемены: я перестал быть суеверным. Абсолютно. Мы, русские, оказывается, имеем предубеждение, ну почти против всего. Начиная от банальной черной кошки и заканчивая свистом в доме.

— Так бывает, когда оказываешься среди чужих, — заметила Ангелина. — В другой культуре. Своя всегда спасает, конечно, но многие вещи из тех, что казались привычными, видятся, словно под увеличительным стеклом. И в конце концов, ты отказываешься от того, что не помогает и не имеет практического смысла.

— Да, именно так. И вот в какой-то момент я ощутил пустоту... Мне сложно объяснить. Не опустошенность, которая давила раньше, как камнем к земле, а пустоту, легкость. И я вспомнил, как когда-то давно встретил одноклассника, и он мне оставил телефон. Даже не знаю, почему я о нем вспомнил. Может, потому что он наверняка не знал, что со мной произошло. Он говорил, что мало времени проводит в Москве. Много путешествует. Я набрал его номер. И он тут же ответил. Обрадовался мне и попросил в тот же день встретиться, потому что через две недели должен был отправиться в... регату.

— Регату? — Ангелина искренне удивилась.

— У меня была такая же реакция. А потом меня словно озарило. Понимаешь, все сложилось, как в головоломке. Я иду и считаю бледные лица. Город, который страдает от хронической нехватки солнца, от его слабости... И тут это волшебное слово, — регата. В нем и солнце, и романтика, и все то, чего ни за что не получишь даже в роскошной Москве.